

ОБРАЗОТВОРЧЕ МИСТЕЦТВО

Беличенко О.Л.,
кандидат педагогических наук, доцент,
Славянский государственный педагогический университет

Зборовец И.В.,
доктор искусствоведения, профессор,
Харьковская государственная академия культуры

ПОСЛЕДНИЕ ДВОРЯНЕ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ XX ВЕКА

Аннотация. Статья о судьбе дворянских семей после революции.

Ключевые слова: потомки дворян, судьбы Линтварёвых, Ратьковских, Шишикиных, Хрисанопуло, Ограновичей, Петренко.

Анотація. Біличенко О.Л., Зборовець І.В. *Остання шляхта в соціокультурному просторі XX століття.* Стаття про долю шляхетних родин після революції.

Ключові слова: нащадки шляхетних родин, доля Лінтварьових, Ратьковських, Шишикіних, Хрисанопуло, Ограновичів, Петренко.

Belichenko O.L., Zborovets I.V. The last noblemans in social and cultured of space XX century. The article about a fate of cultured familys after revolution.

Key words: posterity of noblemans, a fate of Lintvarevich, Ratkovskych, Chichikinech, Hrisanopulo, Ogranovichy, Petrenko.

Постановка проблемы. Глядя на современный социальный пейзаж Украины, невольно спрашиваешь себя, куда исчезли интеллигентные лица? Где же потомки аристократов, царских генералов, купцов, мещан? Неужели на нашей земле осталось только простонародье? Если это так, то сегодня мы самая демократическая страна в мире, основное население которой составляют выходцы из села. На эту этническую особенность сельской Украины еще в XIX веке указал Н.И. Костомаров, который писал: «Малороссу всегда суждено быть только мужиком. Он до тех пор и малоросс, пока мужик...»¹ Эти слова оказались пророческими. Украина, по словам Д. Чижевского, так и осталась «неполной нацией», страной мужиков.

Однако в XX столетии в нашем обществе сохранились остатки дворянской интеллигенции, растворившиеся в понятии «советский народ». Занимая скромное место в жизни, последние дворяне выделялись среди окружающего их простонародья прежде всего внешним обликом, в котором чувствовалась порога, благородное происхождение, культура.

Здесь уместно вспомнить то различие между еврейскими и украинскими детьми, которое провел Д.Л. Мордовцев: «...Что у них за глаза, какой блеск, какая ясность взора! А чистая матовая кожа, ведь это точно изваяние, античный мрамор, потемневший от времени. Эта античная смуглота прелестна. А правильность черт какая изумительная: эти словно из мрамора точеные носики, эти пышные губки, античные лбы, античный, тонко очерченный профиль... И рядом с ним эти хохлята: то же украинское солнце смотрело в их колыбели, как и в жалкие колыбели еврейских детей. И при всем том ни природа, ни история не выработали на их лицах даже профиля – носы большей частью картофелиной, кожа нечистая, часто угрястая и лупящаяся, глаза – без блеска, без выражения...»² Не случайно в советском обществе интеллигентное лицо считали еврейским. О дворянском ребенке с правильными чертами лица говорили: «А вот еще жиденок!»

После революции дворянство вполне естественно ушло в область культуры. В театре тогда играли «бывшие»: княжна Оболенская, граф Шереметьев, граф Зубов... Новое поколение актеров из народа нашло себя на сцене во многом благодаря помощи русской аристократии. Так, например, Лесь Сердюк пришел в театр из села и поначалу играл роли близких ему по духу народных героев (Богун). Но когда ему досталась роль Шарля Гранде, актер был в отчаянии: не знал, как ему следует играть аристократа! Л. Сердюка направили в Ленинград, где уцелели некоторые титулованные особы. Там он прошел школу, уроки которой дали блестящий результат. Сельский парень вернулся в Харьков неузнаваемым. Он не ходил, а летал! Его легкие, непринужденные движения на сцене вызывали восторг у публики.

Талантливая дворянская молодежь искала спасения в консерватории, что, безусловно, помогло сохранить высокий уровень музыкальной культуры учащихся. Многие дворяне стали репетиторами, выступали как исполнители.

Надійшла до редакції 24.05.2012

Дворянский этикет понадобился в сфере дипломатии, где бывшие аристократы работали консультантами. Так образованное дворянство нашло место в жизни на демократической основе, не смешиваясь с простонародьем. Интеллигенты оставались «белыми воронами» до середины XX века.

М. Горький назвал одну из своих пьес «Последние», словно предвидел конец целой генерации людей особой породы. В 1979-ом году на похоронах харьковской дворянки А.В. Случановской люди говорили: «Последние дворяне уходят...» Мы все были свидетелями этого ухода. На смену им не пришел никто. Как сложились судьбы бывших дворян в XX веке?

Анализ последних публикаций. Общественная перестройка внесла значительные перемены в отношении к «бывшим». После долгого перерыва дворянство появилось в художественной³ и мемуарно-биографической⁴ литературе, стало объектом научных исследований. Были подготовлены первые диссертации социологов⁵, историков⁶ о судьбах дворян в советском обществе. Вызвала интерес, привлекла внимание учёных работа С.И. Ефремова о трудовой деятельности бывших дворян в СССР (1920-е – 1930-е гг.)⁷. Событием в науке стала монография С.А. Чуйкиной «Дворянская память: «бывшие» в советском городе»⁸. За последние 10 лет Россия многое сделала для возрождения истории дворянства.

В Украине интерес к дворянству слабо выражен, особенно среди ученых. О судьбах старой украинской элиты почти нет книг, а тем более диссертаций. До сих пор многие семейные архивы остаются вне поля зрения историков, социологов, культурологов. Величие судеб последних дворян еще предстоит осознать, чтобы не растерять в бешеном темпе жизни XXI века их духовно-нравственное наследие.

Статья выполнена в соответствии с планом НИР ХГАК.

Цель статьи – проследить судьбы дворянских семей в XX веке.

Изложение содержания. В 1888-ом году А.П. Чехов был озабочен поисками дачи для себя и своих близких. Журналист А.И. Иваненко, друг семьи, указал ему на усадьбу помещиков Линтварёвых в Сумском уезде, расположенную на берегу реки Псёл, как превосходное место для отдыха. Вскоре состоялось знакомство писателя с хозяйкой имения Лука-Барановка Александрой Васильевной Линтварёвой. А.П. Чехов снял у помещицы флигель и прожил в ее имении два лета в 1888-1889-ом годах. Писателю так понравилось в Луке, что он без стыда и совести приглашал к себе всех друзей и знакомых, словно это было его собственное имение. У А.П. Чехова гостили художники И.И. Левитан и Н.П. Чехов, брат писателя, приезжали известный русский поэт А.Н. Плещеев, артист Петербургского Александринского театра П.М. Свободин, виолончелист М.Р. Семашко, издатель газеты «Новое время» А.С. Суворин... В газетах «Утро» и «Солнце России» поместили групповые фото родных и гостей А.П. Чехова во время прогулки и снимки его любимых уголков вдоль реки Псёл. В усадьбе Линтварёвых писателю работалось удивительно легко, и, конечно,

благодарным был отдых в кругу близких на лоне природы. Покинув Луку, писатель всегда тосковал по ней, а дом с мезонином и семьей Линтварёвых увековечил в литературе.

У надворного советника Михаила Павловича Линтварёва и его жены было шестеро детей: сыновья Павел (1861), Георгий (Юрий) (1865), Николай (1868) и дочери Зиновия (1858), Елена (1859) и Наталья (1863).⁹ Из них в конце 80-х годов XIX века в усадьбе Лука проживало шестеро членов семьи: мать-помещица и ее пятеро детей.¹⁰ Это была семья врачей. Лечебной практикой занимались старшая дочь Зинаида Михайловна и средняя Елена Михайловна. Младшая дочь Наталья Михайловна, окончившая бестужевские курсы, была украинофилкой, учила хохлацких детей и послужила А.П. Чехову прототипом Лидии Волчаниновой в рассказе «Дом с мезонином».

Старший сын Павел Михайлович имел незаконченное университетское образование и занимался хозяйством. Второй сын Георгий Михайлович, или по-домашнему Жоржик, был талантливый музыкант, поклонник П.И. Чайковского. Своей игрой на рояле он доставлял большое удовольствие родным и гостям.

После революции владельцы потеряли усадьбу. В доме Линтварёвых открыли школу, а флигель использовали в качестве избирательного участка; позже здесь организовали музей А.П. Чехова. Сохранилась мебель в комнате, где жил писатель: стол и витые стулья – кресла.

Георгий Михайлович и Наталья Михайловна Линтварёвы вынуждены были оставить родное гнездо. Судьба бывших помещиков никого не интересовала, их след затерялся во времени.

Между тем, брат и сестра сняли домик в поселке Высоком недалеко от Харькова. Георгий Линтварёв, ставший в советское время Юрием Михайловичем, давал уроки музыки, а его сестра учительствовала.

Высокий – это дачный поселок, где в начале XX века на бывшей земле помещика построили дома железнодорожные служащие. Он стал центром притяжения для старой интеллигенции. Здесь жили Крыжановские, Случановские, Ратьковские, Островские, Албулы, Шишикины, Ланшины, Жуковы, Якимовы, Николаевские. У Елизаветы Николаевны Голубниченко, бывшей владелицы частной гимназии, был собственный дом, проданный затем композитору Гнату Хоткевичу. В этом доме открыт музей. Семьи поселковых интеллигентов общались, их дружба продолжалась многие годы из поколения в поколение. У знакомых бывал и Юрий Линтварёв, любивший играть в преферанс. Впоследствии он женился и переехал в Харьков. Шишикины обратились к нему в 1940-ом году, когда купили подержанный рояль. Юрия Михайловича пригласили испытать инструмент и давать уроки старшей дочери Вере Александровне. Линтварёв был уже старик, высокий, седой, свидетель времени, который общался с А.П. Чеховым, его матерью, братом и сестрой, хорошо знал окружение писателя в Луке. Умер Юрий Михайлович на 77-ом году жизни в оккупированном немцами Харькове, в холодную и голодную зиму 1942-го года, которая стала последней

для многих интеллигентов (архитектор А.Н. Бекетов, горный инженер В.А. Поклонский и другие).

Дочь Линтварёва – Оксана Юрьевна (подомашнему Киса) в кругу бывших дворян дружила с Ольгой Васильевной Наседкиной, ее знали Ратьковские и Ефимовы. Встреча с Оксаной произошла уже после войны в эмиграции. Она работала секретарем ООН, вышла замуж, и у нее было трое детей: Лесь, Олег и Марина. Потомки Линтварёвых, вытесненные историей за пределы родной земли, взамен обрели весь мир, расселились на разных материках (Австралия, Северная Америка). Оксана Линтварёва (в замужестве Шкаль) в США общалась с потомками тех дворянских интеллигентов, которых после революции судьба свела в поселке Высоком.

Среди них была и семья Тихомировых-Ратьковских, принадлежавшая к московскому дворянству. Их предки владели усадьбой Ратьково, название которой позже стало фамилией. Аполлинарий Петрович Ратьковский, потомственный дворянин, сын надворного советника, после окончания в 1898-ом году Харьковского ветеринарного института защитил диссертацию, и в 1904-ом году ему была присвоена степень магистра ветеринарных наук. В Москве он имел собственную клинику на Тверском бульваре. Сохранился дом, в котором он жил и где родились его дети: Елена, Елизавета и Георгий (Юрий).

А.П. Ратьковский выдвинулся по службе как инспектор императорской кавалерии и был назначен в отдел здравоохранения при Наместнике в Польше. Вместе с семьей он жил в Варшаве до начала Первой мировой войны. В 1914-ом году Ратьковские вынуждены были уехать в Крым для лечения младшей дочери Елизаветы и обосновались в Балаклаве, где их застала революция и гражданская война. В 1920-ом году красные заняли Крым, Бела Кун и Землячка развязали террор. Расстрелы превратились в массовую бойню. Больше всего казнили офицеров и солдат Врангеля, а также сочувствующих им в Севастополе, Балаклаве, Ялте и Керчи. Бела Кун уничтожил 70 тысяч местного населения. Землячка активно участвовала в пытках и расстрелах по склонности к садизму.¹¹ Жертвой террора стал и царский генерал А.П. Ратьковский. Его вдову и детей укрыли и спасли от гибели местные рыбаки. Старшая дочь Елена на всю жизнь запомнила, как она искала среди расстрелянных тело своего отца...

В Балаклаве дети А.П. Ратьковского закончили гимназию, и семья переехала в Харьков, поближе к родным, которые жили в поселке Высоком. В 1927-ом году Юрий Ратьковский, выпускник 1-ой профтехшколы, собирался продолжить учебу по специальности – механик. При поступлении в советский вуз для детей дворян тогда существовали ограничения. Надежнее всего было подать документы в региональный институт, подальше от Москвы, например в Сталино.

В 1930-м году Г.А. Ратьковский поступил на механическое отделение Донецкого индустриального (затем горного) института. На фоне студентов из простонародья дворянские интеллигенты выделялись своей внешностью, культурой, воспитанием и способностями. Это вызывало зависть и злость, пере-

ходящие в классовую ненависть, травлю «чужих». В газете «Студент революции» поместили провокационную заметку «Наши Жоржики» с целью морально унижить дворянскую молодежь. Г.А. Ратьковский с достоинством ответил оппонентам: «Я не Жорж, я – Георгий!» Недоверие и враждебное отношение к себе испытала и его невеста – студентка биофака Харьковского университета Вера Шишикина. Юрий писал ей: «Относительно вашей публики я всегда говорил, что это большая сволочь. Поэтому на тебя стали косо смотреть...»¹² Сложной оказалась ситуация, в которой им приходилось жить.

Г.А. Ратьковский, будучи по натуре человеком общительным, легко находил себе близких людей в студенческой среде. Известно, что он дружил с однокурсниками Борисом Высочиним, Михаилом Синицким и Григорием Лапицким. В годы учебы состоялось и его знакомство с молодым преподавателем В.Г. Сталмаковым. На сугубо мужском электромеханическом факультете обучались единственная студентка Галя Семейкина, двоюродная сестра Николаева, застрелившего в 1934-ом году С.М. Кирова, любовника своей жены. Поэтому Г.А. Ратьковский – один из немногих, кто знал правду о том, что произошло в Ленинграде.

В 1935-ом году Г.А. Ратьковский защитил дипломный проект с оценкой «отлично!» и был оставлен в аспирантуре при Донецком горном институте. Однако уйти в сферу науки ему не пришлось. Всегда существует дефицит честных, порядочных людей. Возможно, поэтому молодого специалиста, беспартийного интеллигента включили в состав Комиссии государственного контроля.

В 1935-1940-ом годах Г.А. Ратьковский полностью обследовал угледобывающую промышленность Юга Украины. Из Сталино он ехал в Первомайск, затем в Ирпине, Шахты, Кадиевку, Петровку, Рутченково... Он встречался с Алексеем Стахановым и оставил описание этой культовой фигуры 30-х годов XX века: «Стаханов произвел на меня хорошее впечатление. Только слишком он серый. Горняк, видно, на все сто. Около носа синий шрам... Вчера видел жену Стаханова. Она похожа на цыганку, и, вероятно, особа весьма легкого поведения».¹³ В 1940-ом году Г.А. Ратьковского приняли на должность инженера Харьковского завода «Свет шахтера». Вскоре началась война. Немцы приблизились к Харькову и завод подлежал эвакуации. Вместе с рабочими Г.А. Ратьковский погрузил в вагоны заводское оборудование, а сам вынужден был остаться в городе из-за тяжелой болезни жены.

В 1942-ом году Г.А. Ратьковский добровольно уехал в Германию вместе с тысячами харьковчан, искавших спасения в рейхе от голода и безработицы. Однако советский диплом горного инженера-электромеханика немцы не признали. Г.А. Ратьковского отправили сначала в промышленный район Рур в Гильзенкирхен, где ему пришлось в училище типа советского ПТУ обучать немецких подростков владеть слесарным инструментом. Затем его перевели электромонтером в шахту, там он получил тяжелую травму и долго лечился в больнице. Посылать денежную помощь семье не было возможности. С оказией удалось передать дочери не-

мецкую губную гармошку. В письмах Г.А. Ратьковский беспокоился о состоянии здоровья жены, еще не зная, что ее уже не было в живых. Вера Александровна вместе с пациентами больницы погибла в газовой камере в Полтаве.

После 1943-го года возникла вторая волна эмиграции. Дворянские интеллигенты, которые чудом уцелели в период массовых репрессий, уезжали на запад, спасаясь от сталинского режима. Вместе с ними бежали в рейх мать Г.А. Ратьковского – Елена Михайловна и его родные сестры Елена и Елизавета. В конце войны семья вновь соединилась в лагере для перемещенных лиц недалеко от Гамбурга.

В победном 1945-ом году Ратьковские оказались в Западной зоне Германии. Свободу они купили дорогой ценой. Елена Михайловна и ее младшая дочь Елизавета от тяжелых болезней умерли в 1946-ом году и были похоронены сначала на территории лагеря, а затем их прах перенесли на кладбище в город Зельзинген.

Ратьковские не могли оставаться в послевоенной Германии, вблизи Восточной зоны. Это было опасно. И тогда тетушка Антонина Михайловна Крумзе, которая уже давно жила в США, прислала вызов – приглашение родственникам. В 1949-ом году Г.А. Ратьковский и его сестра Е.А. Ефимова с семьей на пароходе покинули Европу. Почти все пассажиры были русские. Впереди их ожидал Новый мир, страна свободы и демократии.

В то время в регионе Сан-Франциско проживало около 200 тысяч русских эмигрантов, в черте города – до 40-ка тысяч. Переселенцы издавали газету «Русская жизнь», журнал «Русский американец». С 1939-го года здесь функционирует «Русский центр» с уникальной библиотекой и музеем. В городе множество русских клубов. Верующие посещают православный собор Святой Троицы – культурный центр, при котором работают школы, гимназии, библиотеки. Здесь, в Калифорнии, прошла вторая половина жизни дворян, покинувших Родину навсегда.

В 1970-ом году Г.А. Ратьковский впервые после войны прибыл в Москву в качестве американского туриста. Запомнилась его историческая встреча с дочерью от первого брака – Ириной Георгиевной Ратьковской (в замужестве Коваль), которую он не видел 28 лет! В дальнейшем Георгий Аполлинарьевич 7 раз прилетал в Европу, а затем – в Москву, Харьков, Одессу, встречался с родными, старыми друзьями и знакомыми. Для всех, кто его знал, это был настоящий праздник!

Дружба Шишкиных и Хрисанопуло сложилась еще до революции, когда их поселили в одном доме, в степи, где стояли шахты Донбасса. У Александра Александровича, горного инженера, и Юлии Михайловны Шишкиных было трое детей: Михаил, Вера (родилась на шахте «Ветка») и Надя. Павел Михайлович Хрисанопуло был из обрусевших греков и служил земским врачом, любил охоту и держал собак. Его жена Тамара Чеславовна, имевшая польские корни, назвала свою дочь Галей в честь оперы С. Монюшко «Галька», а младшего сына – Андроник.

Родители и дети жили словно одной, большой и дружной семьей. Школы в степи не было, поэтому молодое поколение получило домашнее образование. Воспитанием и развлечением детей занимались мамы. Вера Чеславовна играла на пианино, а Юлия Михайловна аккомпанировала на гитаре. В то время были популярны *живые картины* на всем известные сюжеты:

*Три красавицы небес
Шли по улице Мадрида:
Донна Клара, Долорес
И прелестная Пепита.*

На «сцену» выходили Галя, Вера и Надя.

*Вдруг на площади одной
Руку с робким ожиданьем
Бедный нищий молодой
Протянул за подааньем.*

Роль молодого нищего исполнял Андроник. Девочки, тронутые его немой мольбой, подавали милостыню:

*За реал душою всей
Помолился он за Клару.
Долорес была щедрей
И дала реалов пару.*

*А Пепита так бедна,
Не имея ни реала,
Вместо золота она
Бедняка поцеловала.*

Маленькая Надя подходила и целовала Андроника. На «сцене» появлялся Миша с корзиной цветов.

*В это время проходил
Продавец букетов рядом,
И его остановил
Нищий просветленным взглядом.*

*За букет прекрасных роз
Отдал он все три реала
И красавице поднес,
Что его поцеловала.*

Андроник становился на одно колено и дарил букет Наде под чудесные аккорды пианино и гитары.

Степная жизнь двух семей вдали от городов продолжалась до начала 20-х годов, когда их судьбы разошлись. Привыкшие к тишине и покою, Шишкины не смогли жить в Харькове и сняли квартиру в поселке Высоком. Все дети Александра Александровича и Юлии Михайловны получили высшее образование: Михаил работал инженером на крупнейших электростанциях, Вера стала ученым-микробиологом, а Надя – архитектором.

Семья Хрисанопуло пострадала в годы массовых репрессий. Павла Михайловича арестовали и расстреляли в 1938-ом году. Людей дворянского происхождения считали врагами советской власти.

В 30-е годы Галя Хрисанопуло училась в Москве, вышла замуж за Якова Алексеевича Филипцева, и у них было двое детей: дочь Елена и сын Павел, названный так в честь деда. Внук продолжил семейную традицию – стал знаменитым хирургом, который опе-

рировал многих советских государственных деятелей, известных писателей, артистов. Среди них называли Устинова, Шукшина... Павлу Яковичу Филипцеву благодарные люди дарили книги. На одной из них поражала надпись: «Режь веселей!» И он резал, спасая жизни коммунистам, расстрелявшим его деда. Разве это не парадокс истории?!

В годы войны в этот круг последних интеллигентов вошла и семья Ограновичей. Однажды в Полтаве во время сильной бомбежки Надя Шишкина привела и укрыла в своем доме целое семейство: юриста Сергея Михайловича, его жену Елизавету Владимировну, их детей Дашу, Нила, Михаила, Аполлона и племян-

ницу Валерию. Когда Юлия Михайловна узнала, что Елизавета Огранович – выпускница института благородных девиц, она пришла в восторг: им было о чем поговорить! Сергей Михайлович тоже представлял большой интерес для Шишкиных, ведь он общался с младшим сыном А.С. Пушкина – Григорием Александровичем.

Среди детей Ограновичей выделялся Михаил. Мальчик 12-ти лет свободно говорил по-английски и привлек внимание союзников, которые на своей базе разместили летающие крепости. Американцы оформили Мишу в качестве переводчика, организовали ему питание и очень удивлялись тому, что этот разви-

Рис.1. Елена Михайловна Ратьковская с детьми: Еленой, Елизаветой и Георгием. Харьков, 1927 год.

Рис. 2. Галя Хрисанопуло (в центре), Вера и Надя Шишкины. Харьков, 1926 год.

Рис. 3. Семья Шишикиных: Александр Александрович, Юлия Михайловна и дети: Михаил, Вера и Надя. Харьков, 1932 год.

тый, воспитанный мальчик не похож на обычных советских детей.

После войны, когда схлынула вторая волна эмиграции, в наших городах осталось множество брошенных шикарных квартир. Спасаясь от советской власти, люди оставляли все. Во Львове свободную жилую площадь коммунисты намеренно заселяли русскими. В том числе и Ограновичи получили роскошную квартиру на улице Герцена, в доме № 4. Это была одна из немногих семей, судьба которой сложилась благополучно.

Миша Огранович вырос и продолжил семейное дело, стал юристом. Он поддерживал дружеские отношения с Шишикиными, жившими в Харькове. В 1962-ом году дворянская молодежь послевоенного поколения собралась на квартире у Ограновичей. Среди них была Ира Ратьковская.

Время от времени встречались и старые знакомые Наталья Албул, Нина Голубниченко, Галя Хрисанопуло и Надя Шишикина. В 1990-ом году Г.А. Ратьковский писал: «После смерти Наты Албул и Нины Голубниченко Москва для нас опустела».¹⁴ Не только Москва опустела без интеллигенции, в конце XX века вся Украина превратилась в пустыню, в которой затерялся след поместных дворян.

Возьмем для примера судьбу потомков украинского дворянского рода Петренко, из которого вышел известный поэт-лирик Михаил Петренко, автор стихов «Дивлюсь я на небо...», «Взяв би я бандуру...», «Туди мої очі...» и других положенных на музыку и ставших народными песнями.

Дворянин Николай Гаврилович Петренко в начале XIX века купил на правом берегу речки Торец участок земли в 3 десятины, где построил небольшую усадьбу (дом, сарай, конюшню, погреб, колодец) и насадил фруктовый сад. Имение называлось «Хутор Торецкий». Петренко занимался бахчеводством и продажей соли в качестве чумака. От первого его брака с

дворянкой Анной Тимофеевной в 1817-ом году родился сын Михаил. Николай Петренко имел только личное дворянство, которое не переходило на его детей.

Михаил Николаевич Петренко женился на дворянке Анне Евграфовне Миргородовой и имел пятеро детей: Николая, Марию, Евграфа, Людмилу и Варвару, дети и внуки которых вошли в XX столетие. Казалось бы, потомки любимого в Украине и России поэта, песни на стихи которого есть и сегодня в репертуаре многих певцов, героя Крымской войны в 1854-1855-го годов, заслуживают внимания наших современников. На самом деле о них забыли.

Еще сложнее оказалась судьба детей от второго брака. В 1819-ом году мать семейства Анна Тимофеевна по неизвестным причинам добилась расторжения первого брака и вышла замуж за дворянина Ивана Ивановича Петренко. Во втором браке она родила сыновей Павла, Алексея и Дмитрия. Здесь уже не было никакого сомнения в дворянском происхождении наследников и наличии у них землевладения. Существовала купчая крепость, которая в советское время будет свидетельствовать против них.

Род Петренко обеднел после пожара в усадьбе. На месте сгоревшего господского дома построили небольшую хату на земляном полу, в которой поселился Павел Иванович Петренко. Его братья и сестры жили на хуторе Черевковка Славянского района на земле своего деда и прадеда.

Во второй половине XIX века род Петренко продолжил Константин Павлович (1853-1910). Его сын Антон Константинович начал собирать материалы по истории семьи Петренко. Благодаря его заботам были сохранены сведения о поэте Михаиле Петренко. Уже в наше время в его доме был обнаружен архив. Уцелели документы, фотографии, книги. Среди них особое внимание привлекает ответ Антона Петренко на несправедливое обвинение в несуществующем богатстве и высокородном происхождении, которое было

предъявлено ему в сфабрикованной газетной заметке («Пролетарий», 1929 г.):

«Настоящим сообщаю следующее о свое «богатстве» и «происхождении»: дед мой, бедный хлебопашец, имел 1 1/2 десятин земли. Как дед мой, так и отец и я до 20-летнего моего возраста жили в старой хате на земляном полу об одной комнате. Хата крыта очеретом с простой хворостяной трубой, сохранилась и по сие время».¹⁵

Однако сталинских палачей и карателей ни письменные, ни устные ответы потомков дворян не убеждали. Было сфабриковано дело о контрреволюционной повстанческой организации, в которую механически включили «социально чуждые элементы».

В 1937 году бывшему дворянину Петренко Антону Константиновичу предъявили стандартное обвинение в антисоветской пропаганде и подготовке диверсионно-вредительских актов на Краматорском машиностроительном заводе, где он работал плановиком.

Бывшего дворянина Петренко Алексея Филипповича карательные органы обвинили в ненависти против существующего политического строя в СССР, в пропаганде поражения Советского Союза в предстоящей войне и активном участии в Славянской контрреволюционной организации, которая должна была поднять восстание внутри страны.

Фактически же потомки дворянского рода Петренко пострадали за «происхождение» и «землевладение». В 1938-ом году Антон Константинович приговорен к расстрелу, а Алексей Филиппович, внук Дмитрия Ивановича Петренко – к 10-ти годам лишения свободы, умер в лагере.

Усилиями нескольких поколений местных краеведов собран бесценный материал о судьбе потомков дворянского рода Петренко в XIX – начале XX века. Значительный вклад в исследование биографии Михаила Петренко внесли деятель «Просвіти» Мария Николаевна Квитка-Белинская и преподаватель Славянского пединститута Надежда Митрофановна Корниенко. При педагогическом лицее Славянского педуниверситета открыт музей поэта Михаила Петренко – хранитель памяти этой семьи. Поиски историков-краеведов продолжаются.

Трудно не согласиться с В. Набоковым, который сказал, что жизнь его поколения – это «сплошное прощание с предметами и людьми».¹⁶ После дворян нам не хватает культурных и моральных ориентиров, образца человека, своего князя Мышкина.

Выводы. Последние дворяне внесли прощальный вклад в материальную и духовную культуру XX века – века Труда. Они оставили след в науке, технике, образовании, воспитании, медицине, культуре и искусстве. Исчезновение верхнего культурного слоя общества отразилось на всех последующих поколениях. Потери были колоссальные и невозможные. Без интеллигенции оказались детские учреждения, школы, училища, вузы, библиотеки, архивы, музеи, магазины, бухгалтерии, кассы, театры, консерватории, больницы, поликлиники, аптеки, клубы, дома культуры... Вместе с дворянами ушли в прошлое и присущие

им понятия: благородное происхождение, дворянская родословная, высшее общество, свой круг.

Истребление интеллигенции, укорененной в культуре, во многом обусловило деградацию простонародья, потерявшего ведущих, и болезненное состояние общества в целом, что после войны заметил и акцентировал А. Хазин в поэме «Возвращение Онегина». Жизнь Украины продолжается уже без людей благородного происхождения.

В дальнейшем предполагается продолжить исследование судеб потомков дворян в наше время.

Примечания и литература:

1. Костомаров, Н.И. Приключения по смерти / Н.И. Костомаров // Костомаров, М.И Твори: у 2 т. – К., 1990. – Т. 1. Поезії. Драми. Оповідання. – С. 412 – 420.
2. Мордовцев, Д.Л. Между Сциллой и Харибдой / Д.Л. Мордовцев // Полн. собр. ист. романов, повестей и рассказов: в 33 т. – СПб., 1914. – Т. 9. – С. 1-98.
3. Головкина, И.В. (Римская-Корсакова). Победленные: роман / Ирина Головкина. – М.: Руслло, 1993. – 733 с.
4. Морозова, Т. В институте благородных девиц / Т.Морозова // magazines.russ.ru/noviy-mi/1995/8/.
5. Чуйкина, С.А. Жизненные траектории дворян в Советском обществе: Ленинград 1920-х – 1930-х годов: автореф. дис... канд. социол. наук / С.А. Чуйкина. – СПб., 2000. – 22 с.
6. Наумов, А.В. Судьбы российского дворянства в XX веке (на материалах трех поколений хвалынской ветви Мамедов): автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.В. Наумов. – Саратов, 2009. – 23 с.
7. Ефремов, С.И. Трудовая деятельность бывших дворян в СССР (1920-е – 1930-е гг.) / С.И. Ефремов // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. – 2011. – № 6. – С. 27-35
8. Чуйкина, С.А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920-е годы) / С.А. Чуйкина. – СПб., 2006 – 259 с.
9. Родословная книга потомственных дворян Харьковской губернии / Харьк. частн. музей городской усадьбы. – Х., 2010. – 741 с.
10. Чехова, М.П. Из далекого прошлого (М.П. Чехова. – М.: Худож. лит., 1960. – 268 с
11. Крим: терор і золото партії // За вільну Україну. – 1995. – 4 квіт. – С. 1-2.
12. Ратьковский, Г.А. [Письмо к В.А. Шишкиной, Сталино, 4 апр. 1931 г.] / Г.А. Ратьковский. – [Семейный архив Шишкиных].
13. Ратьковский, Г.А. [Письмо к В.А. Ратьковской, Ирпино, 24 апр. 1936 г.] / Г.А. Ратьковский. – [Семейный архив Шишкиных].
14. Ратьковский, Г.А. [Письмо к Н.Ф. Волосникову, Сан-Франциско, 12 марта 1990 г.] / Г.А. Ратьковский. – [Семейный архив Волосниковых].
15. Добровольський, О., Мікушев, В. Його таємниця. Невідомий Михайло Петренко / О. Добровольський, В.Мікушев. – Слов'янськ, 2008. – 107 с.
16. Набоков, В. Тяжелый дым / В. Набоков // Собр. соч. в 4 т. – М.: Правда, 1990. – Т. 4. – 476 с.